

ЧУДО СВЯТОГО ГЕОРГИЯ. МНОГООБРАЗИЕ СИМВОЛОВ ОДОЛЕНИЯ ЗЛА

Икона святого Георгия кон. 12 – начала 13 в. Монастырь св. Екатерины на Синае.

Словесное истолкование видимого символа, - можно ли уподобить это занятие описанию – вербализации музыки, аналитическому разбору поэзии, препарированию логикой тонких движений души, вызывающих едва заметную улыбку, приоткрывающих родник слезный... «...Значение слез, особенно у новоначальных, темно и неудобопостижимо...» - читаем в «Лестнице», - вот и не станем разбирать эти причины, отстраняясь от них по возможности. Но образ живописанный – уже ли обращён исключительно к чувствованию, несёт ли в себе запечалённое видение, не выразимое однозначно или пространно печатным словом, повествованием линейным и двумерным. Когда мы имеем дело с образом – иконой, станем утверждать, опираясь всего более на личный опыт – на что бы ещё? – рассуждать о том, что находимся в пространстве символа, открывающегося нам, жаждущего объясниться с нами, подбирающего для этого изъяснения особенный язык – язык иконы. Этот язык требует, прежде всего, внимательного, уважительного и благоговейного отношения к себе, навыкания к восприятию, требует изучения, в буквальном смысле слова, – исследования – следования по путям своим всем существом следующего, не одними лишь стопами, глазами, мыслью. Более того, молитвенным прилежанием и упованием на милость Господню и благоволение Его к нашему слышанию и распознаванию, осознанию и пониманию (приятию) высказываний этого языка. Более того, высказываемое образом, проявляющееся в нём – станем утверждать это – обращается к тем самым «неудобопостижимым» мутным человеческим глубинам, как бы высветляя, проясняя их, научая неведомо, очищая и привлекая. Не станем же вдаваться в эти области, в неисследимые пути Божии - к нам, но заметим лишь, что образ иконный – один из этих путей, что различны у Господа способы пробраться к нам, достучаться, открыться, запечатлеть-Ся в нас. И «говорение», про-изнесение нам неведомого смысла через язык образа – один из таких способов. И нам, усиливающимся на личном пути к Богу, - достойно и благоговейно внимать этому говору, разбирать его по слогам и звукам, приобщая себе открывающееся, приобщая себя – первообразу, толкущему к нам в затворённые двери. Осторожно и благоговейно продолжим своё научение этому языку символа в образе Божиим. Важно и, как видится, неоспоримо то, что этот язык подразумевает обращение лишь «в одну сторону» - от про-износящего образа – к человеку и никак не наоборот. В ответ перед образом – иконой про-износится лишь молитва, возможно, пробуждаемая, оживляемая Богом на этом символическом языке и как – то ещё – неведомо, неисследимо как. Возможно навыкание к этому языку, научение им, невозможно этим же языком - ответить. Распознавание значений произносимого, национальных образных особенностей – «наречий», «диалектов», печатей «духа времени» - может стать делом целой человеческой жизни. Жизни христианской, несущей в себе жажду Богообщения, Богопознания, возвращения к перво-образу в себе и последовательного неотступного продвижения этого возвращённого перво-образа – к Богу. Безусловно, упомянутое вскользь, - дело глубоко личное, глубоко сокровенное. Быть может, речь идёт даже и не о приобретении навыка и знаний, но более – о воспоминании этого языка, глубоко забытого. Об очищении себя от наносного, ветшалога, от первородного грима на чистоте исконной, об отстранении от приобретённых чуждых лиц, сокрывающих исконный лик образа Божиего в себе самом. Как знать, не так ли, через навыкание к языку иконы, приоткрывает Господь Себя понемногу, по мере нашего восприятия, вслушивания, вникания, в этот язык. Это ли язык Бого-Словия, - слова Господнего, обращённого к нам. Посещает ли Сам Господь радостью внезапного осознания, опаматования, открытия – человека, всматривающегося, усиливающегося вникнуть в символ, воспринять его? Опасно ли это занятие? Отринем ли опасения прочь, понимая, что образ Божий в иконе – то незамутнённое, намоленное, выверенное молитвами поколений пространство упования и область вознесения обращений человека к Творцу. Место про-изнесения и вос-приятия исповеди, место прощения и разрешения. Что или кто здесь нашёптывает об опасности, об осторожности ликования в торжестве Православия, об умеренности в радости о Господе.

От видения ли вера? Апостол учил иначе, говоря об истечении веры от слышания: **«вѣра от слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ» (Рим. 10:17)**. Веры ли ищем у образа Божиего, у иконы, распознавая язык её? Можем ли мы воспринять образ видимый, как сконцентрированное *слышимое* слово, вмещающее и Писание, и Предание, отражения образов литургической поэзии, прожитые молитвенно иконописцем, произведшим личную, авторскую экзегезу средствами иконописи. Можем ли вместить, объять простым сознанием этот образ, несущий в себе запечатление молитв и прикосновений великого множество людей, отсветы преподнесенных свечей и лампад, про-изошедших событий, перенесённых времён и пространств. Если так – продолжим труды, усиливаясь изложить словом «прозы презренной» распознанное, расслышанное, высказанное образом на языке своём. Обнадёжим себя, что увиденное в образе раскрытом, нечто непостоянное, зыблущееся, ускользящее – станет устойчивым, осознаваемым, будучи записанным, пусть не на скрижалях, пусть на брэнной бумаге, обычными буквами, как свидетельство хотябы усилий запечатлеть незапечатлеваемое. Пусть будет это далёким и слабым подобием возгласу слепорождённого, ко Христу, эхом, отозвавшимся: «верую, Господи!» - и поклоном Ему. Пусть будет это хоть бы подобием радости прозревшего некогда в Вифсаиде: «вижу человеки, яко древие ходяща», - и сего бы довольно ослепшему, а Господь удостоит большим – веруем и уповаем – исцелимся, и узрим светло всё.

Известен и общеупотребим этот язык изъясняющий, просветляющий, исцеляющий, естественный и понятный нашим дальним предкам, пред-шественникам перед образом Божиим. Истерается навык и вкус к нему временем и всеобщей апостасией. Не исполнение ли сроков и времён – в признаках нового откровения, прорастания к нам теперь смыслов, родных и близких значений образов. Отринем же смущения ложные, прильнём ухом сердечным к биению смысла, отзывающегося из невидимых глубин образа. Не станем уповать на себя, сознающих, но вслушаемся лишь, осторожно и трепетно. Обнадёжимся недостижимым примером близкого нашего современника, подвижника и молитвенника, иконописца и Богослова, отца архимандрита Софрония, свидетельствовавшего о – личном – видении Бога, как Он есть. И не смутимся надеждой воспринять обжигающий язык иконы, опаляющий неведение, пожигающий брение чуждое, очищающий истину в человеке от греховного покрова.

И вот – образ известнейший и распространённый повсеместно, быть может, самому удалённому от иконы, от осмысления и прилежания к ней, от близости какой-либо к православию – прежде всего представится этот символ при первом упоминании иконы – фигура всадника-змееборца на дивном коне, повергающего извивающееся чудище. Образ этот и сакральное окно в область невидимую, и средоточие, геральдическая сердцевина русской государственности, и примелькавшийся символ, намозоливший глаз, безоглядно, бессмысленно попираемый... И поныне в сердцевине Государственного герба – символ Москвы – духоносной вертикали Третьего Рима – святой воин мученик и Победоносец Георгий, чудо его о змие. Чудо посмертное, совершённое святым, как явление из пакибытия Жизни Вечной міру земному, лежащему во зле. Образ мученика Георгия привычен настолько и столь повсеместно распространён, что, казалось бы, совершенно невозможно высказать о нём что-либо ещё в дополнение к высказанному прежде многократно и высоко. Казалось бы, стоит ли ещё проговаривать общеизвестное и понятное, прояснённое изобильно и повсеместно... Представляется, что стоит - именно по причине указанной, - от того, что видится недопустимым и трагичным замусоливание, забалтывание, попираание у каждой кассы торговой ногами люда православного и языков внешних – жёлтых затёртых обесцененных монеток, несущих икону поправки зла. Выхолащивание образа в поправии этом, измельчание в неведении творящих, невозможность приложиться, подняв из праха смрадного... Невозможность и отдать кесарево – кесарю, - не кесарев лик начертан. Непрерывное, повсеместное видение кеносиса – истощания, иссякания силы правды внешней, повергаемой, одолеваемой – топтание каблуков на лике святого и невозможность

умолчать, понимая это... Вот и напишем ещё, умножим написаний груды – себя ли облегчая от осознанной тяготы? Утешимся несколько: не поругаем Сам Господь, возвеличенный в Своем человечестве к занебесным высотам крестных страданий и видимого унижения. Оторопи предстоящих Кресту, дрожи стад рассеянных что противостало тогда? – ни сотрясения скал, ни восстания мертвых, ни громы, ни катапетасма разодранная - не перекрыли ужаса тишины, воцарившейся после произнесённого окровавленными устами: «Или!...». Ужас поверженного Господа восполнен для нас навеки Его Воскресением. Светом воскресным – озарены мученические багряницы и венцы, унижения возвеличивающие свидетелей Христовых. Воспомнив об этом, и мы возвысим свои словеса к мученику Христову, к Победоносцу Георгию, ниспровергаемому ныне. От себя самого воскликну, и от братьев своих оскверняющихся, хулящих, послушно и безоглядно творящих дело чуждое: святой мучениче Георгие, не остави, моли Бога о нас, грешных! Лишь только воскликну подобное, дерзну сказать что либо ещё.

Попробуем подобраться к осознанию, осмыслению, обновлению восприятия образа святого – через имя его. Традиционно и обычно в нём не ищут ничего - более обыденного и привычного значения от греческого слова γεωργός «земледелец». В житии святого сказано о его чине трибуна в римском войске и последующей должности комита, что подразумевает принадлежность к высшему, возможно сенаторскому, сословию римской империи. Представим, что младенца в состоятельной семье, имеющей богатство, палестинские владения, рабов и слуг, назвали бы так просто. Вспомним, что и двоюродная сестра святого Георгия – равноапостольная Нина грузинская происходила из семьи знаменитой, состоятельной. Сомнительная простота имени - довод, что называется, бытовой и простецкий. Пусть так, но заглянем же в греческий словарь, попытаемся прильнуть к корням имени, немного рассмотреть этимологию. Итак, Гея широкогрудая, земля (Γαία, Γῆ) – по космогонии Гесиода выделенная из Хаоса. Найдём в греческом словаре и иные значения этого корня, помимо земли – богини: страна, отечество. Последние значения в словаре показаны, как основные, предпочтительные. При некотором усилии обнаружим смыслы второго коря имени святого, возводящиеся к греч. ἐνέργια: ἐν + ἐργον, ἐνέργεια – обозначающее привнесённое действие, имеющее семантические вариации: дело, труд, работа, долг, обязанность, надобность, необходимость, нужда; заботы, (брать на себя заботу о ком-то), осуществление, выполнение, сражение, битва, бой и другие. В прослеживаемой взаимосвязи корневой основы ἐργ и οργ (οργη), как видится, правомочно раскрываем для себя новые смыслы и звучание корня имени. Переполняет воображение множество значений слов, содержащих этот корень. λειτουργέω «служить государству, выполнять богослужение». λήθαρος «глубокий сон, забытье, самозабвенная бездеятельность». συνεργέω «работать сообща, содействовать, помогать». ὄργανον «орудие, инструмент, материал, произведение, орган». οργεὼν «жрец». ὄργια «священнодействие, праздник, мистерия». οργιάζω «священнодействовать, чтить, славить, посвящать в мистерии». δημιουργός «мастер, знаток, народный рабочий, ремесленник, демиург». Как видится теперь, значение имени святого Георгия звучит значительно шире «земледельца». Возделывание земли следует понимать куда пространнее, как имеющее оттенки активной деятельности, воинской защиты Отечества земного, служения и священнодействия даже - в этом жертвенном служении Родине, своей земле, преображённому Хаосу, плодоносящему благодатствованному творению Божию. Воин-служитель, защитник Божественного миропорядка.

Но вспомним здесь и ветхозаветное звучание символизма взаимоотношения человека и земли. Позволим себе применить к имени святого понимание земли, как объекта творения Божиего «В начале» - прежде всего прочего, прежде света и тверди, прежде вод и растений. Допустим это звучание смысла в корне имени святого. Допустим в значение имени святого и образ проклятия земли во грехе первородном. Тогда земле-делание обретает наполненность смыслом трудов на этой земле, проклятой в делах человеческих:

«проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печалехъ снѣси тую вся дни живота твоего: тернія и волчцы возраститъ тебѣ, и снѣси траву сѣлную: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратиши въ землю, от неяже взять еси: яко земля еси, и въ землю отидеши. (Быт. 3:17-19). Видим землю в страшных словах проклятия Господа по грехопадении адамовом. И самого Адама – опечаленного хозяина земли, возделывающего в поте лица в пищу себе – место отшествия своего и упокоения. Землю, от которой взят и обречён на смешение, растворение человек, сотворённый к бессмертию, пребыванию райскому, как Сам Господь, говорящий внутри Себя: **«И рече Богъ: се, Адамъ бысть яко единъ от Насъ, еже разумѣти доброе и лукавое: и нынѣ да не когда прострѣтъ руку свою и вѣзметъ от дрѣва жизни и снѣсть, и живъ будетъ во вѣкъ. И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости дѣлати землю, от неяже взять бысть. изрину Адама, и всели его прямо раю сладости: и пристави херувима, и пламенное оружіе обращаемое, хранити путь дрѣва жизни. (Быт. 3:22-24)».** Изгнан Адам из рая сладости и вселён в землю, проклятую во грехе человеческом. Изгнан из парадиза на возделывание этой земли и стенание «прямо рая сладости» за вратами затворёнными. Изгнан ко противостоянию началу зла – змию, обитателю земли проклятой, «лежащей во зле»: **«вражду положу между тобою (змием) и между женою, и между сѣменемъ твоимъ (змиевым) и между сѣменемъ той: той твою (змиеву) блюсти будетъ главу, и ты блюсти будеши его (человека) пяту» (Быт. 3:15).** Падший человек – несчастный хозяин земли с проклятым своим достоянием. Человек изгнанный, опечаленный, омытый слезами и потом не вселяется в пространство проклятое, как часть зла, но обрекается на противостояние, в котором не одержит победы до скончания времён. Сама победа не есть дело рук человеческих, но уязвляемый в пяту – снизу змием, человек обрекается на деятельное противостояние, на поражение главы зла. И не будет одолеваем змем, и не побеждаем человек праведный: **«Блаженъ мужъ бояйся Господа, въ заповѣдехъ его восхощеть зѣло. Сильно на земли будетъ сѣмя его, родъ правыхъ благословится» (Пс. 111:1-2).** **«Аще бо и пойду посреде сѣни смертныя, не убоюся зла, яко ты со мною еси: жезлъ твой и палица твоя, та мя утѣшиста» (Пс. 22:4).** С человеком – жезл и палица – оружие противостояния Самого Господа – посреди обители зла, посреди сени смертной. Распознаем же в этом образе нескончаемого противостояния и зримое отображение оправдания міра Божиего перед лицом Господа и оправдание Господа – Творца. Противоборствующий Георгий в полноте звучания смысла своего имени – не только защитник человек, земли, твари, но и воитель – защитник Самого Бога от зла перед лицом зла, не желающего себе границ и пределов. Так образ противостояния святого Георгия со змем обретает звучание теодицеи, взаимно оправдывая человечество и Бога активной синергией – содействием твари и Творца в общем промыслении Божиим о судьбах міра.

Величием, драматизмом и глубиной этого противостояния исполнено существование рода человеческого перед лицом Господним. Восприимем же наполненность этого величия – в звучании, знаменовании смысла имени Георгия и двинемся далее к осознанию его образа. Продолжим начатое нами, отталкиваясь от текста и приступим, прежде всего, к житию святого Георгия. Как видится в первом приближении, именно к тексту жития восходит иконография Чуда святого Георгия о змие. Но какому тексту? Многочисленны варианты житийного повествования о святом Георгии, разнообразны и по времени возникновения, и в нюансах сюжета. Наиболее известно, общеупотребимо и доступно к прочтению житие, составленное святителем Димитрием Ростовским, относящееся к 17 веку. Вероятно, при осуществлении своего труда святитель Димитрий использовал различные агиографические источники, вычлняя некое общее течение излагаемых событий из имеющегося разнообразия фактов, нюансов повествования. Примем этот труд с благодарностью, уважением и благоговением, понимая, что житие – это тоже символ, словесная икона. Не записывали свидетели мучений святого Георгия увиденного по свежим впечатлениям, но и то, что изложено – вынесено преданием нам из веков весьма удалённых. О том, что житийные источники могли по-разному влиять и

формировать иконографию можно убедиться, например, сравнивая житийное повествование в изложении святителя Димитрия с клеймами знаменитой новгородской иконы 14 века из собрания Русского музея. Легко увидим значительные несоответствия изображения и текста, но да не смутимся этим. Понимаем ведь, что икона – ни в коем случае не иллюстрация житийного сюжета, не дополнение к повествованию о святом и о чудесах подвига его. Иконный образ, даже и следуя житийному контексту, используя изобразительные средства изображения видимого символа, несёт в себе, являет собой не отличное от текста, но совершенно иное символическое пространство. Опять же, здесь стоит говорить об объёме воспринимаемого значения символа – более, чем о восприятии некоей текстуальной линейной последовательности смысла и сюжета. Образ видимый станет говорить неизменно о многом и одновременно, вовлекая в деятельное участие в своём «повествовании» - предстоящего человека. Тем не менее, попытаемся уяснить из жития основные повествовательные сюжетные линии, формирующие иконографию.

Повествование чуда святого Георгия о змие входит в круг описания посмертных чудес святого. Кратко проследим этот житийный сюжет, делая акценты на нюансах, формирующих иконографию и помогающих лучше уяснить себе изображённое.

В тексте рассматриваемого варианта жития святой Георгий описан, как видный молодой военачальник, «отличался красотой лица, мужеством и крепостью тела, почему и был поставлен трибуном в знаменитом воинском полку. В этом чине он проявил такую храбрость на брани, что царь Диоклетиан, еще не знавший о его христианстве, почтил его саном комита и воеводы». Юный военачальник, судя по приведённому в житии его чину, происходил из рода сенатской аристократии, потомственных военных. В чине трибуна мог командовать легионом, либо крупным кавалерийским формированием мобильной полевой армии, находящейся под личным управлением императора. В возрасте около 23 лет за выдающиеся военные заслуги был возвышен императором и возведён в звание комита. Этот высочайший придворный чин доверенного спутника императора давал права и полномочия управления полевой армией, статус самостоятельного главнокомандующего в военном походе. Заметим, что история Рима знает примеры, когда победоносные легионы могли облечь своего главнокомандующего в императорский пурпур. Но нас в данном случае интересуют не возможные государственные перспективы и статус воина – Георгия, но внешние признаки, которые мы станем рассматривать в особенностях вариантов иконографии: молодость и красота святого Георгия, достоинство боевого доспеха, оружия, красный плащ – *sagum* - неотъемлемый признак римского воинства.

Местом рождения святого Георгия в житии указана Каппадокия «родом из Каппадокии». В многочисленных исследованиях можно встретить совершенно различные варианты, и Лидда (вблизи Тель Авива), где, предположительно находилось имение его матери и Берит (Бейрут) у подножия Ливанских гор. В последнем случае место рождения соответствовало бы месту совершения чуда о змие, описанного в житии: «...близ отечества своего палестинского, в стране сиропинийской, в городе Бейруте, стоящем на берегу Средиземного моря, недалеко от города Лидды, где и погребено было тело святого великомуче-ника. Место совершения чуда этого показывается путешественникам по Палестине».

Житие, вкратце упомянув о происхождении Георгия, повествует о мученическом подвиге святого, открыто исповедавшего свою веру во Христа перед яростным язычником императором Диоклетианом. Император жестоко уничтожал христиан, в том числе и среди своих воинов, отдающих кесарю – кесарево – жизни земные гекатомбами Первому Риму, доживающему последние годы вселенского первенствующего имперского бытия. Из жития мы узнаём, что святой Георгий был не только потомственным военным аристократом, но унаследовал от своего отца - потомственное мученичество за Христа. Подвиг

добровольного принятия мучений подробно описан в житии. Описание мученического подвига святого Георгия не является предметом данного очерка. Рассмотрим здесь лишь канву событий, формирующих иконографию «славного чуда убиения змея, совершенного святым великомучеником Георгием», описанных в дополнении к житию – в повествовании о посмертных чудесах святого. Отметим последовательно фрагменты житийного сюжета, наиболее существенно влияющие на формирование иконографии.

Змей – губитель, **великий и страшный**, обитает в большом озере близ Ливанских гор, похищает людей и **увлекает их в озеро, пожирая там**. Вооружившись и выступающий против змея народ, не исповедующий Христа, всякий раз изгоняется губительным дыханием змея. Это дыхание **наполняет воздух**, порождая болезни и умерщвляя людей. В городе постоянные «скорбь, печаль, вопль и плач великий. В этом городе жили люди неверные – идолопоклонники, здесь же жил и сам царь их». По научению бесов люди отдают на съедение змею своих детей каждый день по жребию, «весьма сожалея и плача о них». Царь отдаёт и свою дочь, не в силах нарушить «постановления, как бы божественного, сообщенного бесами». **«Велев дочери украситься, царь смотрит на неё с высоты своего дворца, сожалея и плача об ней со всем домом своим».**

«По промыслению Бога, хотящего спасения всех, благоизволившего спасти и город тот от погибели душевной и телесной, в это время к тому месту подъехал на коне святой великомученик Георгий, воин Царя Небесного, имевший **в руке копьё**». «...**Из озера** появился страшный змей и направился к обычной своей пище...». «Святой же Георгий, осенив себя крестным знаменем и призвав Господа, со словами: "во имя Отца, и Сына, и Святого Духа", – устремился на коне своем на змея, потрясая копьем и, **ударив змея с силою в гортань, поразил его и прижал к земле; конь же святого попирает змея ногами**. Затем **святой Георгий приказал девице**, чтобы она, связав змея своим поясом, повела его в город, **смирненного, как пса**; народ же с удивлением взирая на змея, **влекомого девицею**, обратился от страха в бегство. Святой же Георгий сказал народу: «Не бойтесь, только уповайте на Господа Иисуса Христа и веруйте в Него, ибо это Он послал меня к вам для того, чтобы спасти вас от змея». Затем святой Георгий **убил змея того мечем посреди города**. Жители же города того, извлеки **труп змея за город, сожгли его...**». Таков сюжет, вероятно, не слишком изменчивый в различных вариантах жития.

Представляется важным заметить ещё раз, что иконный образ, даже на вполне определённый повествовательный житийный сюжет, описанный в тексте до мелочей и нюансов, всё же никак не является иллюстрацией текста. Более того, при создании иконы и формировании иконографии даже и близко не ставится иллюстративная задача, но, скорее, преследуется цель создания символического зрительного образа, позволяющего охватить неизъяснимое вербально. Иконографический символ формируется и вмещает в себя значительно большее того, что может быть выражаемо простым повествованием о событиях, пусть даже событиях чудесных. Здесь сжато и ёмко воплощается религиозное символическое видение, открытое в молитвенном созерцании, кристаллизованное в мировоззренческих и Богословских заключениях, выверенное историческими событиями, практикой личного благочестия и церковного обихода, закалённое и очищенное в горниле страданий и жертвенного подвига. Можно даже сказать, что в иконном образе мы обретаем широкую и очень глубокую персонификацию в символе осознанного и выраженного на языке иконы понимания онтологического, сущностного противостояния Бога и врага Божиего, врага рода человеческого – отца лжи, источника Жизни Вечной и отца лжи, греха, хаоса, вечной погибели.

Обратимся за большим уразумением к без-ценному помощнику, выношенному и выверенному в поколениях человеческих размышлений и молитвенных воздыханий перед образом чуда о змие, - раскроем Богослужебный текст. Литургическая поэзия, обращённая

к святому Георгию в день молитвенного общецерковного памятования его, ничего не упомянет напрямую о посмертном чуде о змие. Не станем же помышлять, что образ противостояния злу и одоления в посмертном змееборце не столь уж важен, малозаметен и вторичен, не достоин отображения хоть бы в единой песне канона. Скорее иное. Образы одоления зла, возникающие при чтении Богослужебного текста, глубоко проникают за рамки внешней событийной оболочки жития. Глубоко настолько, что касаются непосредственно самой сердцевины противостояния, духовного средоточия и поистине вселенского значения этого символа. Но отойдём несколько от выбранной последовательности рассуждений, сознательно нарушим логику и зададимся теперь несколько иным, пусть кратким, рассуждением и том, как явлен образ одолеваемого зла в Писании, что можно видеть и понимать под образом змия, дракона, повергаемого святым Георгием. Уже после – возвратимся к образам Богослужебной поэзии, приготавливая себя к пониманию образов иконных.

Итак, змий, дракон, Левиафан. Как звучит образ зла в Писании, как огласуются осмысления его – попробуем кратко изложить из обширнейшего и пространнейшего, не дерзая добавить здесь ничего от себя.

«Змій же бѣ мудрѣйшій всѣхъ звѣрѣй сущихъ на землі, ѳхже сотворі Господь Бѣгъ.» (Быт. 3:1).

«ѳнь (диавол) челоѣкоубійца бѣ исконі, и во ѳстинѣ не стойтъ, ѳко нѣсть ѳстины въ нѣмъ: егда глаголетъ лжѣ, от своѳхъ глаголетъ: ѳко лѣжъ ѣсть и отецъ лжі:» (Ин. 8:44).

«от сѣмене бо змійна изыдуть исчадія аспидовъ, и исчадія ѳхъ изыдуть змій парящїи:», «Видѣніе четвероногихъ, ѳже въ пустыни. Въ печали и въ тѣснотѣ лѣвъ и львїчищъ: отгуду аспиды и плѣмя аспидовъ парящихъ» (Ис. 14:29, 30:6).

«ѳко сѣ, азъ пошлю на васъ змій умерщвляющыя, ѳмже нѣсть обаянїя, и угрызѣтъ васъ, речѣ Господь, неисчѣльно со болѣзнію сѣрдца вѣшего исчезающаго.» (Иер. 8:17)

«ѳрость ѳхъ по подобію змїнѣ, ѳко аспида глуха и затыкающаго ѳши своѳ» (Пс. 57:5).

«вознесѣши сѣрдцемъ твоимъ, и забудѣши Господа Бѣга твоего, извѣдшаго тѣ изъ землі Егїпетскїя, изъ дому рабѣты: провѣдшаго тѣ сквозѣ пустыню великую и страшную ѳну, въ нѣйже змій угрызѣющыя, и скорпїи, и жѣжда, въ нѣйже не бѣше воды: извѣдшаго тебѣ изъ камене несѣкома истѣчникъ водный:» (Втор. 8:15).

«и малодушест-воваша людіе на путїи, и роптаху людіе на Бѣга и на Моисѣа, глаголюще: вскую извѣль есї ны изъ Егїпта убїти насъ въ пустыни, ѳко нѣсть хлѣба, ни воды? и душѣ наша негодѣетъ о хлѣбѣ сѣмъ тшѣмъ. И послѣ Господь на люді змїевъ умерщвляющихъ, и угрызѣху людіи: и умрѣша люді мнози от сынѣвъ Израїлевыхъ.» (Чис. 21:4-6).

«Измї мя, Господи, от челоѣка лукава, от мѣжа неправедна избѣви мя: ѳже помѣслиша неправду въ сѣрдцы, весь дѣнь ополчѣху брани: зїзострїша языкъ своѳ ѳко змїинъ: ѳдъ аспидовъ подѣ устнѣми ѳхъ.» (Пс. 139:2-4).

«ѳзрѣтъ языкы и усрамятъся от всеѣ крѣпости своѣя, рѣцѣ возложѣтъ на уста своѣ, и ѳши ѳхъ оглохнутъ, полизѣтъ пѣрсть ѳко змїевѣ плѣжущѣ по землі, смятѣтся во облѣженїи своѣмъ: о Господѣ Бѣзѣ нашѣмъ ужаснутся и убоятся от тебѣ.» (Мих. 7:16-17).

«Отвѣщавъ же Софаръ Минейскій, рече: (о посрамлении человека) Кости его напълнишася грѣховъ юности его и съ нимъ на персти уснутъ. Аще усладится во устѣхъ его злоба, скрѣтитъ ю подъ языкомъ своимъ: не пощадитъ ея, и не оставитъ ея, и соберетъ ю посреде гортани своего, и не возможетъ помощи себѣ: желчь аспидовъ во чреве его. Богатство неправедно собираемо изблюется, изъ храмины его извлечетъ его ангель. Ярость же змею да ссѣтъ, да убьетъ же его языкъ змиинъ». (Иов. 20:1, 11-16).

«Паки же отвѣщавъ Господь, рече ко Иову изъ облака:... Извлечеши ли зміа удицею, или обложши узду о ноздрехъ его?(Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его?)или вдѣжши колце въ ноздри его? шиломъ же повертиши ли устнѣ его? возглаголетъ же ли ти съ молениемъ, [или] съ прошениемъ кратко?сотворитъ же ли завѣтъ съ тобою? поймеш ли его раба вѣчна? поиграеш ли съ нимъ, якоже со птицею, или свяжеш его яко врабѣя дѣтищу? питаются ли же имъ языцы, и раздѣляютъ ли его Финикійстии народи?вся же плавающая собравшася не подымутъ кожи единыя ошпа его, и кораблі рыбарея главы его.(можешь ли пронзить кожу его копьем и голову его рыбачьею остроугою?) Возложши же ли нанъ руку, вспомнѣвъ брань бывающую на тѣлѣ его? и ктому да не будетъ». (Иов. 40:1, 20-27).

«Въ чханіи его возблистаетъ свѣтъ: очи же его видѣніе денницы. Изъ устъ его исходятъ аки свѣщы горящія, и размѣшутся аки іскры огненныя:изъ ноздрей его исходитъ дымъ пещи горящія огнемъ углія:душa же его яко угліе, и яко пламы изъ ястъ его исходитъ..На вѣи же его водворяется сила, предъ нимъ течетъ пагуба.Плоти же тѣлесѣ его сольпнѣшася: Ліетъ нанъ, и не подвижится.Сѣрдце его ожестѣ аки камень, стоитъ же аки наковальня неподвижна.Обращшуся же ему, страхъ звѣремъ четвероногимъ по землі скачущымъ.Аще срящутъ его копія, ничтоже сотворятъ ему, копіе вонзено и броня:вмѣняетъ бо желѣзо аки плѣвы, мѣдь же аки древо гнило:не уязвитъ его лукъ мѣдянъ, мнитъ бо каменомѣтную пращу аки сѣно:аки стѣблие вмѣнишася ему млaтове, ругаетъ же ся трусу огненосному.Ложѣ его остні острии, всяко же злато морское подъ нимъ, якоже брѣніе безчисленно.Возжизаетъ бездну, якоже пещь мѣдянъ: мнитъ же море яко мироварницуи тартаръ бездны якоже плѣнника: вмѣнилъ бездну въ прохождение. Ничтоже естъ на землі подобно ему сотворено, поругано быти ангелы мойми:все высокое зрѣтъ: самъ же царь всѣмъ сущымъ въ водахъ». (Иов. 41:10-26).

«Сіѣ море великое и пространное: тамо гади, ихже нѣсть числа, животная малая съ великими:тамо кораблі преплаваютъ, змій сей, ебоже создалъ еси ругатися ему». (Пс. 103:25-26).

И повелѣ Господь киту великому пожрѣти Иону. И бѣ Иона во чреве китовѣ три дни и три ноци. (Ион. 2:1).

Добавим здесь из гимнографии – канона на Успение Пресвятой Богородицы, песнь 6-я: «Морский пучинородный китов внутренний огонь – тридневнаго Твоего погребения проображение, егоже Иона пророк показася. Спасен бо, яко и предпослася, неврежден, вопиаше: пожру Ти со гласом хваления, Господи».

«Въ той денъ наведетъ Господь мечъ святый и великій и крѣпкій (посетит мечем тяжѣлым и большим и крепким Левиафана) на драконта зміа бѣжаша(левиафана, змея бегущего), на драконта зміа лукаваго (левиафана, змея извивающагося), и убьетъ драконта сущаго въ мори». (Ис. 27:1).

«Богъ же, Царь нашъ, прежде вѣка содѣла спасеніе посредѣ земли. Ты утвердилъ еси сілою твоєю море: ты стерлъ еси главы змиевъ въ водѣ: ты сокрушилъ еси главу змею, даль еси того брашно людемъ еѳіопскимъ». (Пс. 73:12-13).

«И вложенъ {повержень} бысть змій великій, змій древній, нарицаемый діаволь и сатанá, лъстѣй вселенную всю, и вложенъ {повержень} бысть на зѣмлю, и аггели его съ нимъ низвержени быша. И слышахъ гласъ велій на небесѣ, глаголющъ: нынѣ бысть спасеніе и сіла и царство Бога нашего и область Христа его, яко низложенъ бысть клеветникъ братіи наша, оклеветающа ихъ предъ Богомъ нашимъ день и нощь». (Откр. 12:9-10).

Позволив себе столь обширный подбор цитат, ставил целью лишь несколько упомянуть раскрывающийся в Священном Писании, пространно звучащий символ космического, сущностного противостояния Бога и дьявола – врага Божиего, врага и завистника рода человеческого, клеветника Божиего, отца лжи и человекоубийцы искони. В текстах Писания видим единую и целостную картину противостояния, длящегося неизменно, совершающегося в мире духовном, в мире текущего времени на протяжении истории от сотворения міра. Противоборство, вникающее в наше текущее время из времён оных, в наши обстоятельства, глубины и души, не отступающее, лишь разве становящееся порою сокрытым, не проявляющимся явно, не столь заметным – как разворачивающаяся и не ослабевающая в самой природе и в существе человека глубинная борьба. Здесь отнюдь не аллегория литературная, но сущностное свойство падшего міра, лежащего во зле - в активном непрерывном и мучительном противостоянии человека – греху: и первородной, и произвольной повреждённости своей. Точно высказал Достоевский из глубин душевных, из преисполненности личного выстраданного знания изнутри самого себя – вкладывая личное в уста литературного героя Мити: «**Страшно много человеку на земле терпеть, страшно много ему бед!.. Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей**». Этой неутрачивающей, неослабевающей, не утрачивающей драматизма *и красоты* - борьбе, как неизменному состоянию всей человеческой жизни, всего существования тварного мира, не суждено длиться вечно. Откровением предначертано – завершиться ей низвержением змия великого и древнего, левиафана и бехемота, зверя, змия морского и кита великого, – в конце времён. А до свершения времён, прежде Второго Преславного пришествия Христова и Суда Страшного, прежде сворачивания небес и истечения света из светил - длиться этой битве. Так говорит Писание, об этом открыто оглаголаннми пророками, это даётся в личном опыте – каждому, кто не считает своё существование хаотичной чередой случайностей и несуразностей мучительных, странных.

Так, образ святого Георгия предстаёт перед нами собирательным пространственным символом – прообразующим исконное противостояние, противоборство, отнюдь не диалектического умственного кульбита падшего разума, но глубинного, сущностного, исходящего от самых первооснов творения, пронзая всё существование міра до окончания его времён. Позволим себе утверждать, что именно это противоборство, не заканчивающееся событием умерщвления змея – дракона, но имеющее эсхатологическую направленность и восходящую к тексту Апокалипсиса, в известный исход – отвергается перед нами в иконе чуда святого Георгия о змие. «... дьявол с Богом борется...» - на поле сердец человеческих – очень точно и глубоко у Достоевского. Пристальнее взглянем в эту глубину, в этот образ и распознаем Христа Спасителя, противостоящего апокалиптическому Вавилону через противоборствующего святого Георгия, через человека, противящегося злу. Выскажемся так: через усилие человека в противостоянии, через красоту своего усилия перед лицом Господа, человек обретает своё истинное обличие и предназначение. В этом усилении только и возможно обретение помощи Божией и само спасение. Понимая, что высказанное есть вопрос мировоззренческий, всё же будем

настаивать перед непротивленцами злу вслед за евангельскими ободрениями: прилагающие усилие – стяжают царствие Божие, толкушим – открываются его врата. Осознавая это, станем воспринимать символические образы иконы Чуда святого Георгия о змие, как отражения первооснов мировидения, разделяющего и возможность, и необходимость противоборства. Враг, иконографический змей, - не фантастично отстранённое от реальности, пусть персонифицированное зло, но символ самой онтологической реальности, отображаемой как в тексте Священного Писания, так и в живописных формах икон. Обиталище змиево – преисподняя земли и земной Вавилон – образ всемирной цитадели и пространства деятельности зла. Противостоящий Георгий, прободающий змиеву пасть, - борец со злом пред лицом Божиим за весь мир. Так святой Георгий может прообразовать в этой схватке любого из числа сынов Божиих: монаха ли, мирянина, - вступившего в противостояние. Не то же совершает любой воин, кладущий душу за други своя, чья смерть красна на миру, пусть и воинствует он в одиночку. Распознаем же, как онтология противостояния Бога и врага Божиего, человека – и врага рода человеческого – раскрывается в этом образе. Человек, противостоящий злу во славу Божию, как Сам Господь противоборствующий, будет прообразован схваткой святого Георгия и сможет распознать отражение своего противостояния в символизме иконы Чуда о змие, - дерзаем помыслить такое. И отложим здесь до времени помыслы о дерзновении не по разуму.

Увидим символику змия и как устойчиво описываемое в Священном Писании земное владение отпавших ангелов, область Богоборческой цивилизации, против которой противоборствует Господь, наделяя силами человека, имеющего дерзновение ратоборца с Вавилоном. Святой Георгий не отделяется, гнушаясь, не исходит из пространства, населённого злом побеждающим, злом торжествующим, пожирающим детей человеческих. Почувствуем уничижительный символизм Сервантеса, как совершенно чуждый, бесплодный и разрушительный образ воителя с плодами воображений. Враг, злодействуя, и добивается уверений в своей призрачности, несущественности. Высмеивание, уничижение, обезславливание подвига – боевой метод его. Метод, угашающий дерзновение, силовой приём, вышибающий оружие из рук. Увидим в этом литературном персонаже и научительный образ безблагодатного подвига, творимого из немощи человеческой, оставляющей Христа Победителя в стороне от человеколюбивых устремлений благородного рыцарства. Но воин Георгий и в образах, современных творцу скепсиса о Дон Кихоте, зримо, убедительно проникает в самую сердцевину зла и вступает в схватку, исхода которой в иконе не увидим. Но можем созерцать символизм раскрывающийся, осеняя себя крестным знаменем и благоговейно прикладываясь к образу. Обретём ли так для себя новую - полноту осознания глубин молитвы Господней, сочетающей и смирение перед волей Божией – «да будет воля Твоя» и моление о «не введении во искушение», о избавлении от лукавого - перед образом совершающегося противоборства. Противоборства на поле брани духовной и телесной - за исконные права Господа на царствие сотворённое, на человека, увенчивающего творение. Умалён, уничижён сам по себе человек первородным грехом, как и грехом собственным, произвольным. Обезоружен человек и обессилен перед злом, вопиет ко Господу о избавлении немощного существа своего от бесовского обстояния, молит об изъятии от уст зияющей змиевой пасти, разверстой, чтобы пожрать творение Божие целиком. Каждая надвигающаяся ночь воспринимается символом этой раскрывшейся змиевой пасти. И вопиет человеке в молении на сон грядущ об изъятии из уст, из пасти отверстой, зияющей, жаждущей пожрать и низвести во ад живым. Побуждается в каждом молении перед приобщением Господу – воспоминания о беззакониях личных, преумножающихся. Но нет в молитвенном вопле отчаяния, - преисполняется человек и бодростью, и дерзновением, и верою - в неодолимую благодать Божию, восстающую на беззакония. Злу, усвоенному человеком, змию внутреннему, - противостоит Сам Господь образом Своим и подобием, дарованным при творении. Так противление злу несёт глубоко личное, онтологически наиважнейшее внутреннее человеческое, глубинно личностное значение. Услышим

особенно явственно и пронзительно, как ободрение к противоборству, как оправдание противопоставшим - слышимое непрестанно: «яко Твое есть царство и сила и слава во веки...». Твое, но не врага Твоего, овладевающего и овладевшего до времени – чужим наследием. Попущена эта татъба, не слеп Господь, не может быть ни окраден, ни умален. Но Его царство, Его сыны противопоставшие. С ними Господь, созерцающий противостояние, соучаствующий и побеждающий.

Не увидим в иконе - смешения, сплетения воителя со злом. В некоторых вариантах – изводах иконы мы сможем встретить изображение оплетаемых змием конских ног – рассмотрим это далее, - но не увидим сплетений лаокооновых, «как пары змей». Георгий противостоит изнутри пространства, входя в него, не соприкасается со змием, даже и одолевая его. Для отображения этого мастера живописцы применяют широчайший арсенал изобразительных средств, переходят на едва уловимый символический говор, в котором узнаём различные тонкие смыслы. Видим противопоставляемые композиционные планы, перекликающиеся символы цвета, движения жестов, великие множества иконописных нюансов, которые попытаемся рассмотреть на конкретных примерах. Так, например, говоря о не смешивании святого со злом в иконографии противоборства, – заметим соприкосновение живописных пространств змия и Георгия, пересекающихся в единственной точке – прободения копьём пасти чудовища... Заметим зеркальные отображения фигур, изгибов шеи и разворота голов коня и змия... Попробуем проследить символические оппозиции иконописных пространств, жестов и взглядов... Погрузимся в смысловые кружева причудливо и прекрасно нюансированных оттенков символики образа, неподступных с первого взгляда. Очень надеюсь, что занятие это станет и полезным, и научительным, и увлекательным.

Постараемся же ещё несколько восполнить арсенал словесных образов, понимая, что даже размышлениями у иконы мы вовлекаемся из нечувствия окамененного в это противостояние, проявляющееся в личных глубинах столь же явственно, как и вне нас, - вслушаемся в тексты Богослужбной поэзии. Не вызовет удивления то, что в литургическом тексте мы не обнаружим прямого упоминания о низвержении святым Георгием змия, тем более – о убиении дракона, змея бегущего, великого кита, левиафана... В глубинном переживании, словесном и символическом вчувствовании, проживании церковной полнотой совершившегося чуда образ воспринимается неким собирательным прообразованием одоления змия и, теряя явственные житийные очертания, обретает могучее вселенское звучание, включаясь в общий мотив пасхального торжества победившего Спасителя. Пасхальными темами, прямыми цитатами и фрагментами Пасхального Богослужения буквально напитано служение в памятовании мученического подвига святого Георгия. Сама дата мученической кончины и памяти святого Георгия 23 апреля – неизменно приближена к дням Пасхи и напитана звучанием праздника праздников, ощущениями оживотворяемой от зимы природы. Дивные поэтичные образы наполняют духовным ликованием чествование святого Георгия, которого узнаём в эпитетах «весны истины, весны разумной, воссиявшей, подающей цветы словесные», «ясно просвещённого в разуме твёрдого страдальца», «звезды многосветлой, якоже солнце сияющей на тверди небесней». Солнце здесь, конечно же, Сам Спаситель, яркая звезда святого уподоблена Ему на тверди небес – незыблемой духовной устойчивости Истины во Христе. Ярок образ встречи водных течений: струй исцеления, подаваемых притекающим навстречу. Георгий – воином Великого Царя, процветший «яко финикс», принявший венец победы, лепотствуя им в непроходимые веки. Отдалённым отзвуком, обращённым к иконографическому сюжету можно узнать образ царственной порфиры, светлой от мученической крови. Облик и оружие святого Георгия обретает духовное звучание, несущее смыслы необоримое могущества и величия «Христовой всеоружия»: броня веры, щит благодати, скиптр страданий уподобляется и кресту Господнему и копию победному. Победа «божественного храборника» над ополчением демонским увенчивается ангельским ликованием. Позволим

себе допустить, что смысл слова «одоление», помимо наиболее близкого значения «доля», мог прочитываться более приближенным к основе корневого звучания: буквально ввергнуть долу – повергнуть к земле вознесённого гордо. Заметим, именно этот смысловой акцент прослеживается и в тексте жития - Георгий именно прижимает к земле змея, пронзённого в гортань и не убитого, но попираемого конскими копытами. Собственно победа в корневом звучании несёт в себе смыслы некоего последования за бедой, облегчения участи, отнюдь не неизбежное торжествование, неомрачаемое ликование без – бедное, не царство тысячелетнее золотого века в веке неоконченном, но состояние, когда беда одолена, - повержена и прижата к земле оружием и силой Господней в руках человека. «Мучителей угасил безбожное свирепство», - опять же, нет и речи об уничтожении, преодолении, перерождении, преображении зла мучителей, но – об угашении свирепства. Упраздняется демонская прелесть, преславие – освобождается от дел, – ей не найти более своего в человеках о-свобождённых, нечего прельстить. Посрамлено «шатание мучителей», - видим противопоставление зыбкости, как свойства греха и твёрдости, постоянства – противостоющих. Вот, образован, очищен одолением зла и победою мир, дом наш, - и здесь же возникает неизменно притча Спасителя о льве рыкающем и бесе изгнанном, возвращающемся в очищенное жилище: **«Егда же нечистый дух изыдет от человека, преходит сквозь безводная места, ищя покоя, и не обрѣтаетъ: тогда речеть: возвращуся въ домъ мой, отнюдуже изыдохъ. И пришедъ обрящетъ празденъ, пометенъ и украшенъ: тогда идетъ и пойметъ съ собою седмь иныхъ духовъ лютѣйшихъ себѣ, и вшедше живутъ ту: и будутъ послѣдняя человеку тому горша первыхъ. Тако будетъ и роду сему лукавому».** (Мф. 12:43-45). Неизбывность борьбы и противостояния, нескончаемость до исполнения веков – в этом тексте, и нет упокоенности от дел рук своих, на лаврах подвига в образе чуда святого Георгия о змие. Продолжено противостояния, нескончаемо одоление змея, прижатого в гордую отверстую хулою на Господа пасть - долу крестом – скиптром Господним в руках воина Его, и попираем враг ногами конскими.

Очень примечателен текст из книги Премудрости Соломоновой, читаемый за Богослужением в честь святого – «праведных души в руце Божией и не прикоснѣтся их мука». Текст соотносится с образом руки Божией, содержащей в Книги Притчей Соломоновых **«Якоже устремленіе воды, тако сердце царѣво въ руцѣ Божіей:»** (Притч. 21:1). Образ Георгия как бы воссоединяет символику одоления зла мученическим подвигом, совершаемым силою Христа Спасителя и подвига одоления зла земного устроителя порядка – Боговенчанного царя. Сам Георгий символически участвует в царствовании Божиим, одолевающим непрестанно. «Сцарствуеши Царю Сил». Так образ мученика возносится и к власти духовной, и власти земной, царской. Будем рассуждать об этом отдельно. А пока вернёмся к образному ряду Богослужбных текстов, которыми является «пресветлая память святого, победившего, низложившего на землю хвалящегося невидимого врага, невидимо просвещая сердца наши». То есть вернёмся к рассмотрению образа одоления противника рода человеческого во глубине душ и сердец наших.

Образ Георгия вызывает от текстов общей молитвы ко глубинным личным переживаниям и молитвам об отгнании мрачной, душегубной лютой печали, мглы страстей, идольской прелести – побеждаемых просвещающим сиянием мученичества и силою Христовой. Вновь возникают в песнопении мученику образы сошествия Спасителя в преисподняя земли, пророка Ионы во чреве кита молящегося и одолевающего, взрывающего изнутри глубины ада, отдающего, выпускающего, изблѣвывающие пророка, прообразуя низвержение и посрамление ада сошествием в него Спасителя. Победоносный торжествующий исход проистекает через погибель и прохождение сквозь смерть, подобно зерну, прорастающему через погибель: **«ѡще зѣрно пшенічно падъ на землі не ѡмреть, то едино пребываетъ: ѡще же ѡмреть, многъ плодъ сотворитъ»** (Иоанн 12:24). В череде мучений, описанных в житии святого Георгия видим и некое уподобление «знамения Ионы

пророка» - сошествия во ад страдания и смерти, возвращение из него живым свидетелем и олицетворением исполнения славы Божией – это эпизод мучений, где святого погребают на три дня во рве, наполненном негашёной известью, откуда он восстаёт невредимым. **«Злодейственный же Диоклитиан, не способный творить добро, повелел Георгия ввергнуть в обложенный камнем ров с негашеной известью и ею засыпать мученика на три дня... Георгий вошел в ров, радуясь и славя Бога. Связав мученика и, согласно повелению, засыпав его во рву негашеной известью, слуги царевы удалились. На третий день царь повелел извергнуть кости мученика из рва с известью, ибо он думал, что Георгий сгорел там. Когда пришли слуги и разгребли известь, то нашли святого, вопреки ожиданию, невредимым, живым, здоровым и разрешенным от уз. Он стоял с лицом светлым, простирал руки к небу и благо-дарил Бога за все Его благодеяния...».**

Среди чудес, совершаемых Георгием в череде мучений – воскрешение мертвого перед лицом Диоклетиана и Афанасия волхва. Георгий исповедует Христа Спасителя, предвозвестившего: «... верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит " (Ин. 14:12). Воскрешение мертвого есть воистину дела Господни, творимые человеком, земное повторение и возобновление дел этих человеком во всеоружии Господа. И сама возможность противостояния и противоборства змию, не повреждаясь, не предречена ли Христом, как поощрение к дерзновению сынам Божиим «братъ змей» - одолевать погибель – в руках исполненных силою Господней: "будут братъ змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им" (Мк.16:18).

В Богослужбных гимнах возникает и символ духовного земледельца, мученической кровью напоившего и тцанием перенесённой боли возделавшего Божественное семя. Земля скрывает мученика, его принимает небо, отверзая двери райские к ликованию, игранию Пасхи Небесной. Что есть земля в литургическом тексте? – и творение Божие, и китово чрево падшего творения и глубины шеола в этих образах. Не исключим и смысловой грани символа, отражающей землю существа человеческого, перстного, бренного, страждущего и одолевающего силой Божией, предстательством и заступничеством святого Георгия. В Акафисте святого, собственно не входящем в череду текстов общего Богослужения, в последовании поэтических эпитетов духовного ликования и радости встретим замечательные образы, относящийся к иконографии: «Радуйся, щите, воздвигнутый на охранение благочестия, мечу подъятый на посечение нечестия... раторборцев слава, Рима удивление, христианского рода возвышение, православным воинам во бранех споборниче...». В молитвах после чтения Акафиста прочтём взывание к святому о победе на сопротивных, о Богоугодном житии, земли плодородии и во всем изобилии, подаваемых стране нашей Господом, всему Боголюбивому воинству одоление на супостата (врага, поставленного напротив) и укреплении непременимым миром и благословением...». Опять же в Акафисте нет прямого упоминания чуда о змие, но образ этот словно бы растворён в общем звучании текста, преисполняет его своим глубинным смыслом.

Прежде рассмотрения икон, попробуем несколько обобщить многообразие значений лиц - участников рассматриваемого иконного образа. Святой мученик Георгий – воин Христов, «Воинство еже на земли возненавидев, мучениче, на небесех возжелал еси славы». Мученик - свидетель Христов, являющий действенную силу Божию в мире духовном в невидимой брани и тварном, земном устройении. Олицетворение силы Господней, не оставляющей мир по вознесении Христа до Преславного Второго Пришествия Спасителя, символ осуществляемого активного поборничества Божиего в противосто-янии и одолении врагу Божиего в мире тварном. Отнюдь, не Сам Христос, царствующий в мире сем, но воинственная одолевающая непреклонная сила Господня во святых Его, во властях Богоугодных, деятельно удерживающих зло, хаос, рвущийся и хулящий Бога из тёмных глубин своего отступничества. Одоление зла святым Георгием не есть событие, чудесно

совершившееся однажды, произошедшее, как частный эпизод исторического существования мира, описанный в житии, не есть событие, растворяющееся безследно во времена текущих. Явленный символ чуда о змие произносит нам образ длящегося противоборства, непреложного одоления, победы и торжества над злом повергаемым и неодолимым до конца времён. «Конец времён» приближается к нам образом чуда ниспровержения зла. Событием, не только заповеданным свершиться когда-то, но свершающемся непрестанно и очевидно в недрах мира, лежащего во зле. Так было бы, представляется, верным, рассматривая образ чуда о змие, говорить об одолении неодолимого, о победе над непобедимым, обнадёживании безнадежных, о торжествании обетованным, о низвержении превознесшего себя, о длящемся, не ослабевающим противостоянии противнику Божию - человека, облачённого в латы и всеоружие Самого Спасителя. О непреклонном стоянии в Истине – Христе. Можно помышлять пред иконой чуда о змие о противоборстве злу – как образу оживотворения, воскрешения человека и образа Божиего в нём. Сам Бог сокрушает главу змию мечём и могучим и крепким, вкладывая меч и силу Господни в человеческие руки и рамена, наполняя стойкостью и могуществом брание человеческих составов. Об этом доносит нам образ. В противоборстве Господа и Георгия, святого воина Божиего - отцу лжи против-поставлены: стойкость, прямота, простота, твёрдость - противоборствующей сущности исчадия адова, вьющейся, неуловимо, лукаво изгибающейся, шатающейся, зыблящейся, неустойчивой, переменчивой, осклизлой. Святитель Филарет, говорит о сокрушении врагов Отечества, любви к врагам личным и гнушению врагами Божиими. Читаем в Отчнике святителя Игнатия изречение святого, повсеместно цитируемое теперь: «Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею. Устранись, охранись от него сам: и этого с тебя достаточно». Не станем что-либо возражать святителям, но заметим лишь, что в образе чуда о змие речь не идёт о «немощной руке своей», не явлена задача «гнушения врагами Божиими», но преподан символ десницы Господа, вкладывающей всеоружие Божие победительное в «немощные руки». Не гнушение врагом в этом символе, но одоление его непрестанное и непреложное. Конь святого Георгия – некое олицетворение стихии тварного мира, удержанных, возделанных властной рукой человека – воина Божьего. Стихия обузданная прекрасна, устойчива и сильна, попирает ногами своими, как прах, вьющееся изворотливое беспозвоночное и осклизлое существо зла. Конь святого Георгия может быть белой масти, может быть гнедой – об этом следует рассуждать в контексте конкретного иконного образа. Важно единство коня и всадника – воина и обузданной стихии. Как правило, мы распознаём здесь некое гармоничное двуединство образа всадника и коня, воина – более молитвенно предстоящего Христу, свидетельствующего о силе Господней, сокрушающей змия - и коня – собственно обузданной, воинственно служащей силе земной и силе духовной, попирающей ногами одолённую гадину. В образе коня и природа, страсть, стреноженный хаос, обузданная и гармонизированный, человеком, принявшим силу Господню. Исполненные силою Божией и обузданные хаос, гнев, страсть – обретают свойства сокрушающей красоты, необоримой и погубительной левиафану. Красоты, спасающей, побеждающей, - ужасной силой «страшной и таинственной вешью... борющейся с дьяволом в сердце человека». Видим в этом символе и образ Церкви Христовой земной, воинствующей, если прообраз святого Георгия - Сам Христос, **«мечём святým и великím и крѣпкím» «повѣргающий змíя великого, змíя дрѣвнего, нарицаемого дiаволь и сатанá, льстýй вселѣнную всю...»**.

Змий - Левиафан – извивающееся, вьющееся – лукавое морское чудовище, червь, дракон, великий кит, - первотварный ангел, падший необратимо, князь – архонт этого космоса и мира сего. Земля отдана в руки этого злодея злодействующего и могучего. Итак, изображаемый «иконографический» змий - персонифицированный символ абсолютно реального противника Божиего, человекоубийцы от начал мира, - довольно сказано об этом в пространных цитатах из Священного Писания. В иконе, как правило, видим некий обобщённый образ ползущего извивающегося чудовища, змея бегущего, воздушного –

летающего, кита морского. Наиболее подробно о необуздываемости, несгибаемости, необоримости, невозможности договориться мирно, найти компромисс с ним – пронзительно, слёзно и кроваво начертано в книге святого пророка Иова. Здесь встретим и ужас вида внешнего, и необоримость, невозможность соделать ему что-либо оружием человеческим. Встретим и упование на Господа, и прообразование самим Иовом Спасителя, безвинно страдавшего, одолевшего жало смерти изнутри её, из самых глубин адовых, огорчившихся и умертвившихся в пожрании Христа.

Дочь царя Елисава – Елисавета. Не во всех иконах чуда о змие встретим её образ. С образом Елисаветы проявляется иконографический акцент о ведении смиренного змия – дракона, аки пса, в город языческий «на убой». Одолённое, поверженное и попранное чудовище, ведомое на поясе девы, привязанном за рог, - можно ли здесь усмотреть образ Богоматери, пояса Ея? Не исключаем. Опять же, будем в меру сил, рассматривать образ освобождённой девы в контексте конкретных иконографических сюжетов, который условно разделим на варианты – изводы: противоборства змию и триумфа над поверженным злом.

И вновь, прежде, чем приступить к рассмотрению иконографии чуда святого Георгия, усилимся несколько обновить себя, ободрить - слышанием звучания глубокого и густого мотива теодицеи. Звучания, возносящегося от основания, от сотворения мира и не растворяющегося до скончания времён его. Теодицеи - оправдания Бога, как насущнейшей проблематике самой сокровенной и неразрывной взаимосвязи человека и Бога перед лицом зла. В самые потаённые глубины естества человеческого проникают эти чувствительные душе и чуткому разуму звуки, являясь проявлением самой сути религии – взаимосвязанности Творца и творения. Бога и человека, пребывающих в виду зла, в созерцании погибели одолевающей и царящей будто бы неизменно. Каков человек перед Богом, каков Бог перед человеком во взаимном отношении противостояния злу? Враг ли Богу враг человеческий? Устранён ли Бог из противостояния твари злу? Должен ли человек неустанно продолжать противоборство нескончаемое? Оставлен ли человек? Как возможно зло и погибель в мире сотворённом и чем оправдываем Сам Бог в сотрудничестве, противостоянии этому злу? Не простые вопросы, требующие испытания сердцевиной душ и глубокого, лично воспринятого ответа – как важнейшего достижения каждого человеческого существа. Ответа, определяющего и точку воззрения на мир Божий, на Бога в мире. Увидим же в рассматриваемой иконографии – не освобождение от упомянутой вскользь вечной проблематики, но внятную постановку её в православном мировоззрении, эстетике, религиозном и бытовом обиходе, в государственном строительстве и личном жизненном устройении. Внятную постановку в иконе, представленной человеку пред-стоящему перед образом. Уясним себе глубочайшую символику в изображении святого Георгия – воина воительствующего, оправдывающего воительством Бога, защищающего Бога перед злыми очами и пастью неудержимо богохульствующего зла. Нуждается ли Сам Бог в защите от Своего противника? В человеке – защитнике? Бог творящий всё, кроме зла. Увидим в иконе – образ творчества Божиего в противоборстве злу. Увидим и человека, оживотворяемого Богом в исполнении своего предназначения – к противоборствованию злу. Распознаем в иконографии великий символ оправдания самой человеческой жизни перед Творцом лишь личным участием в этом противостоянии по мере нисхождения сил Божиих. Сам Господь свидетельствует, со-присутствует этому противоборству, - созерцает борение, ниспосылая благословляющим жестом неодолимую помощь – силы к одолению зла. Именно так – восприимем иконографический символ благословляющей десницы Божией. Бог созерцает и самцу схватку изнутри её, и глубины адовы, будто заглядывая отсветом Своим в самое жерло – жилище змиево, задерживает созерцающий взгляд Свой и на противоборствующем змие, отчего чудовище, утратившее личность, не расточает своего бытия, несёт отблеск свечения Господнего, будто луна – отсвет солнечный и в затенённой части холодной поверхности тела. Господь изнутри длящегося противостояния, изнутри мира озлобленного,

изнутри человека – соучастник видимого борения, **поборник**, со-ратник человеку на пути спасения. В теодицее – оправдании Бога изнутри страдания, боли и противоборства злу – распознаём истинную хвалу Господу, произносимую из глубины истинной. Видим – и осязаемый символ оправдания и защиты человеком Бога - от зла. Распознаём и оправдание человека Богом необоримым. Сам Господь про-износит нам теодицею о Себе, Сам является этой спасительной теодицей, наделяющей человека силами к противоборству. Сам Бог, воплотившийся и вочеловечившийся, крайне униженный, умалившийся до попраиия злом и смерти крестной – в воскресении Своём – единственная и необоримая вовек теодицея, оправдание Самой Правдой. О Христе –открывалось нам Писание от сотворения мира, говоря о грехопадении и произнося обетование Адаму – до изгнания из рая сладости: Он – Христос поразит голову змия...**«Ивражду положу между тобою и между женою, и между сѣменем твоимъ и между сѣменем тоя: той твою блюсти будетъ {Евр.: *сопрѣтъ*} главу, и ты блюсти будеши его пяту» (Быт. 3:15).** Этим звучанием преисполнена иконография Чуда святого Георгия – распознаем же её, услышим и наполнимся произносимым для нас.

Попробуем рассмотреть некоторые общеизвестные, знаменитые памятники – как изводы икон Чуда святого Георгия о змие, определяя значения основных иконографических символов и художественных интерпретаций сюжета. Не ставим себе задач сколь-нибудь научных, но только лишь малую цель преследуя – пояснить для себя значение изображённого, не вполне открывающегося с первого взгляда. Движемся неотступным желанием воспринять множественность образов, ощутить великолепие, разнообразие и глубину символического творчества наших предков, рождающего внутри православного мировоззрения неисчислимы варианты изображения неизобразимого в новых символических формах выразительных «слов» языка иконы.